

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н.В. КОРНИЛОВ
(Владимир)

**ЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ СТОИКОВ
И СИНТАКСИЧЕСКАЯ НАУКА**

Предпринята попытка представить логико-грамматическое учение стоиков, судить о котором, к большому сожалению, можно лишь гипотетически, поскольку до нас дошли лишь фрагменты из логических трудов представителей Древней Стои или переложения поздних авторов. Сделан вывод о том, что многие логические идеи этой философской школы оказались удивительно созвучны современной синтаксической науке. Среди них можно выделить такие, как доминанта предложения, полные и неполные предложения, виды предложений по цели высказывания и по структуре и др.

Ключевые слова: *стоики, логика, синтаксис, предложение, логическое суждение, законченные высказывания, незаконченные высказывания, доминанта предложения, предикат, вопросительные предложения, отрицание, простое предложение, сложное предложение.*

Традиционно принято считать, что в античности так и не была создана законченная синтаксическая теория, поскольку «части предложения» смешиваются с «частями речи», а «грамматические понятия часто сливаются с логическими» [4, с. 8]. Древнегреческих и римских мыслителей специально не интересовали частные вопросы грамматики, т.к. для них была важна лишь философская проблема взаимоотношений между мыслью, вещью и словом.

Однако стоит согласиться и с тем, что в античной языковедческой традиции, сформировавшейся в греко-латинской культуре и существовавшей с VII в. до н.э. по VI в. н.э., можно найти немало оригинальных идей, которые впоследствии легли в основу многих лингвистических построений XXI в. Так, принятый

философами способ описания языка по частям речи и их грамматическим категориям («акциденциям»), а также принципы, по которым то или иное слово относят к существительным, прилагательным, глаголам и т.д., до сих пор используются в школьных и вузовских учебниках.

Кроме того, созданный в античном языкознании понятийный аппарат активно используется в современной лингвистике. Например, языковеды полагают, что стоики ввели в научный оборот термины «этимология» (ἔτυμολογία), «синтаксис» (σύνταξις), а также названия таких падежей, как родительный (γενικήπτωσις), дательный (δοτικήπτωσις) и винительный (ἀιτιατικήπτωσις).

В настоящей статье хотелось бы подробно остановиться на логической теории мыслителей-стоиков, многие идеи которой нашли достойное применение в современной синтаксической науке. Не случайно многие исследователи подчёркивали особый вклад стоиков в развитие научной грамматики. По мысли Н.Ю. Бокадоровой, «учение стоиков о языке оказало значит. влияние на формирование *александрийской школы* и на др.-рим. штудии в области языка» [2, с. 496].

Следует заметить, что грамматическая система стоиков «не может рассматриваться, несмотря на огромный хронологический промежуток, отделяющий её от нас, только как памятник отдалённого прошлого, один из экспонатов исторического музея языковедческой науки», поскольку «система эта никогда не отмирала» [24, с. 299].

К сожалению, интересующие нас труды философов так называемой *Ранней Стои* (III–II вв. до н.э.) не сохранились полностью, хотя достоверно известно, что их было написано достаточное количество. Мы имеем дело лишь со скудными фрагментами, цитатами и поздними изложениями, которые не позволяют получить целостное представление о логических идеях основателя школы *Зенона из Китиона на Кипре* (ок. 334/333 – ок. 262/261 гг. до н.э.), его ученика *Клеанфа из Ассы* (ок. 331/330 – ок. 233/232 гг. до н.э.) и таких крупнейших представителей стоицизма, как *Хрисипп из Сол*

(ок. 280/277 – ок. 208/204 гг. до н.э.) и *Диоген Вавилонский* (ок. 240 – ок. 150 гг. до н.э.).

Среди косвенных источников, позволяющих судить о логико-грамматических взглядах стоиков, обычно называют труд Диогена Лартского (1-я пол. III в. н.э.) «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», трактат римского учёного Марка Теренция Варрона (ок. 116 – ок. 27 гг. до н.э.) «О латинском языке», незаконченное произведение христианского богослова Августина Блаженного (ок. 354 – ок. 430 гг. н.э.) «О диалектике», сочинения Секста Эмпирика (конец II – начало III в. н.э.) и некоторые другие.

Следует заметить, что стоики своеобразно понимали предмет логики. Она, по их мнению, «изучает и словесные знаки (звуки, слоги, слова, предложения) и означаемое ими (понятия, суждения, умозаключения)». Иначе говоря, «стоики причисляют к логике и грамматику, и философию языка» [1, с. 158].

Как уже было отмечено ранее, стоики ввели в античное языкознание термин «синтаксис» (σύνταξις), который имел у них логическое, а не грамматическое содержание. На это указывал ещё греческий историк и грамматик второй половины I в. до н.э. Дионисий Галикарнасский в своей работе «О соединении слов» [20, с. 116]. Тем не менее многие логические идеи стоиков оказались созвучны некоторым современным синтаксическим теориям. В частности, отмечается, что синтаксис стоиков содержал в основе своей «синтагматические отношения языковых единиц» [5, с. 37].

Дело в том, что стоики искали «в строении предложения непосредственных отражений структуры самой реальности, а в выделяемых при анализе предложения классах слов столь же непосредственного отражения предметных категорий действительного мира». Для них структура предложения становится «познавательной ценностью, сколько бы ни оказывалось в деталях “аномалий”, несоответствий между языковой формой и реальным значением» [24, с. 302].

Какой же смысл стоики вкладывали в понятие «предложение»? Согласно Диогену Вавилонскому, предложение (λόγος) «есть значащий звук, направляемый мыслью», например ἡμέρα ἐστὶ («есть день») [21, с. 7]. В приведённом определении подчёркивается смысловая сторона предложения-высказывания, которое является формой выражения мышления. Не случайно стоики, подчёркивая различия между словом и предложением, отмечали,

что «предложение всегда значаще, слово (бывает) и не значащим, например βλίτυρι («бли-тири». – *Н.К.*), а предложение – никоим образом» [Там же].

Можно сказать, что грамматическое предложение стоики соотносят с логическим суждением, состоящим из субъекта и предиката. На это указывает и дефиниция высказывания, которую даёт Хрисипп в своей работе «Диалектические определения». Он пишет следующее: «Высказывание есть то, что может утверждаться, т.е. высказываться, поскольку это зависит от него (ἀξιωματέστι τὸ ἀποφαντὸν ἢ καταφαντὸν ὄσον ἐφ' ἑαυτῷ), например: “Стоит день” или “Дион гуляет”. Суждением оно называется потому, что с его помощью мы высказываемся “за” или “против” (ἀπὸ τοῦ ἀξιουσθαι ἢ ἀθετεῖσθαι): говорящий “Стоит день” подтверждает, что стоит день; и если действительно стоит день, то предлагаемое высказывание истинно, а если нет – то ложно» [20, с. 104].

Справедливости ради следует отметить, что ещё Платон Афинский (ок. 428 – ок. 348 гг. до н.э.) в диалогах «Теэтет» и «Софист» говорил о тождестве между мыслью и речью [16, с. 249, 269, 338–339].

Итак, грамматическое предложение, по мнению стоиков, – это «полное (самодовлеющее) высказывание» (λεκτόν αὐτοτελές), которое, как указывают приведённые Хрисиппом примеры, обычно двухкомпонентно, поскольку построено по модели логического суждения (S + P). Подобный подход был впоследствии использован лингвистами. Например, его можно встретить в работах отечественных лингвистов XIX в. (Н.И. Греч, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев), которых традиционно принято считать представителями так называемого *логического направления*.

Принято думать, что такая точка зрения предполагала тождество языка и мышления, логики и грамматики, слова и понятия, предложения и логического суждения. Например, логицисты, как и стоики, определяли предложение следующим образом: «Суждение, выраженное словами, именуется *предложением*» [9, с. 235].

Возвращаясь к пониманию сущности предложения в логике стоиков, стоит сказать и о том, что они разделяли высказывания на *законченные* (αὐτοτελές) и *незаконченные* (ἔλλιπές). Под первыми понимались такие, «которые имеют определённую форму выражения (ἀπαρτισμένην... ἔκφοράν), например: “Сократ пишет”». Незаконченные вы-

сказывания, по мнению стоиков, «те, которые имеют неопределённую форму выражения (ἀναλόγιστον... ἔκφοράν), например: “пишет” (неясно, кто пишет)» [20, с. 96]. Другими словами, законченные высказывания соответствуют логическому суждению (S + P), тогда как незаконченные включают в себя лишь его предикат (κατηγορημα). Кроме того, к законченным высказываниям, кроме суждения (αἴτιον), стоики относили общий и частный вопрос, повеления, заклинания, клятвы, мольбы, пожелания, предположения, обращения, мнимые высказывания и умозаключения (силлогизмы) [Там же, с. 96–97].

Вполне возможно, что мысли стоиков о разграничении законченных и незаконченных высказываний послужили толчком для осмысления противопоставления «полные / неполные» предложения в современном языкознании.

Учение о законченных и незаконченных высказываниях позволяет историку языкознания сделать вывод о том, что стоики, как и их предшественники (например, Аристотель), рассматривали вопрос о доминанте предложения. Они полагали, что в предложении-суждении главным компонентом является не субъект, а предикат, под которым понимается «то, что высказывается о чём-то, или то, что синтаксически связывается с одной или со многими вещами... или неполный “лектон”, в синтаксическом соединении с субъектом образующий высказывание» [Там же, с. 97].

Свою точку зрения стоики подкрепляли рядом аргументов. Во-первых, в основном только предикаты могут образовывать незаконченные высказывания. Во-вторых, стоики считали, что законченное высказывание (предложение) «может быть образовано не только путём сочетания сказуемого с подлежащим в форме именительного падежа, но и путём сочетания сказуемого с обозначением субъекта, выступающим в форме косвенного падежа» («Сократу хочется») [Там же]. Другими словами, стоики пытаются доказать, что синтаксический статус сказуемого-предиката повышается в том случае, когда подлежащее и дополнение, имеющие общее значение субъекта, оказываются равнозначными при образовании законченного высказывания, на что, между прочим, указывает возможность их взаимозамены (ср.: «Сократ хочет» и «Сократу хочется»).

Вопрос о грамматической доминанте предложения, поставленный ещё в антич-

ном языкознании, продолжает обсуждаться и в современной синтаксической науке. В истории грамматической мысли можно выделить несколько подходов к решению этой проблемы. Так, одни лингвисты (А.Х. Востоков, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, П.А. Лекант) считают, что иерархической вершиной предложения является подлежащее, поскольку в структурном плане оно представляет собой независимую словоформу в именительном падеже, с которой, как правило, формально согласовано сказуемое [6, с. 122; 12, с. 23, 46, 111; 15, с. 56, 284; 25, с. 183].

Другие языковеды (Н.И. Греч, Ф.И. Буслав, А.А. Потебня, Л. Теньер, А.А. Холодович, В.П. Сухотин), напротив, полагают, что сказуемое доминирует над подлежащим. Такой подход обычно аргументируется тем, что сказуемое является предельным минимумом предложения (сказуемое – носитель предикативности), без которого последнее невозможно, за исключением случаев, когда спрягаемая форма глагола (*verbum finitum*) опущена в предложении или перед нами номинативная конструкция типа «Ночь», «Вот и зима» [3, с. 258; 8, с. 78; 19, с. 86, 101; 22, с. 153]. Кроме того, вербоцентристы называют сказуемое центральным узлом (ядром) синтаксической связи [23, с. 117, 142 – 143], репрезентирующим предикативную синтагму [26, с. 297].

Наконец, некоторые исследователи утверждают, что «между подлежащим и сказуемым нет отношения хозяина и слуги, т.е. отношения детерминации» [Там же, с. 294]. Другими словами, компоненты грамматической основы оказываются равноправными и взаимозависимыми [7, с. 368; 18, с. 299–300]. Необходимо понимать, что обозначенные выше точки зрения не являются исчерпывающими и не лишены недостатков.

Ранее уже отмечалось, что в центре своей логико-грамматической теории высказывания стоики поместили предикат-сказуемое. В зависимости от типа предиката и его валентных возможностей («структурная обязательность» или «структурная факультативность» дополнения при предикате), а также от грамматической формы (прямой или косвенный падеж) субъекта стоики выделяли следующие четыре типа предложений-суждений:

1) основным стоики считали суждение, в котором предикат (κατηγορημα – «категорема») представлен переходным глаголом, а субъект – именем существительным в форме именительного падежа («Сократ гуляет»);

2) суждение, в котором предикат (παράκατηγόρημα – «паракатегорема, около-предикат») не нуждается в дополнении и сочетается с субъектом, выступающим в форме косвенного падежа («Сократу грустно»);

3) суждение, в котором предикат (ἔλαττον ἢ κατηγορήμα – «субпредикат, неполный предикат») выражен глаголом, нуждается в дополнении и сочетается с субъектом – именем существительным в форме именительного падежа («Платон любит Диона»);

4) суждение, в котором предикат (ἔλαττον ἢ παρακατηγόρημα – «субпарапредикат, неполный околопредикат») сочетается с субъектом (именем существительным в форме косвенного падежа) и обязательно требует дополнения для полноты высказывания («Платону жаль Диона») [20, с. 98–99].

Приведённая классификация типов предложений-высказываний позволяет заключить, что стоики главным компонентом логического суждения считали предикат. Более того, они понимали, что одни сказуемые требуют обязательного распространения (дополнения), а другие – нет. Другими словами, представители Древней Стои близко подошли к тому, что в современной грамматике называют категорией переходности / непереходности.

Примечательно, что в языкознании до сих пор активно оперируют терминами «структурная обязательность» и «структурная факультативность», которые используются при определении сильного и слабого управления, а также при характеристике сложноподчинённого предложения и др. (см. [11; 13; 17]).

Сохранилась и другая классификация предикатов, которую представители Стои строили с учётом признака активности и пассивности. Согласно Диогену Лаэртскому, стоики выделяли *личные предикаты* (συμβάματα) – например «Плыву между скал». Они противопоставлялись безличным предикатам («Сократу хочется»). Личные предикаты подразделялись на *прямые* (ὀρθά), «которые сочетаются с одним из косвенных падежей» («слышит – кого?», «видит – кого?», «разговаривает – с кем?»); *навзничные / опрокинутые / обратные / перевёрнутые* (ὑπτία), «которые сочетаются со страдательной частицей» («я слышим», «я видим»); *средние* (ни те, ни другие), «которые не согласуются ни с тем, ни с другим» («мудрствует», «гуляет») [20, с. 97–98]. По мысли стоиков, *возвратными* (ἀντιπεπονητά) «являются те из “опрокинутых”, которые, будучи “опрокинутыми” [по форме], вместе с тем пе-

редают [активное] действие, например: “стрижется”, – поскольку в этом случае стригущийся обращает действие на самого себя» [Там же, с. 98].

По словам И.М. Тронского, учения о залогах в этой классификации пока нет, поскольку для него необходимы морфологические критерии, «на которые древняя Стоя ещё не обращает достаточного внимания» [24, с. 306]. Тем не менее, с точки зрения современного языкознания, стоики предложили следующие четыре типа глагольных предикатов по признаку активности / пассивности: 1) переходный глагол в активе; 2) непереходный глагол; 3) глагол в пассивной (навзничной) форме и с пассивным значением; 4) глагол в пассивной форме, но с возвратным значением [14, с. 201].

Кроме обозначенных выше классификаций, стоики разработали также типологию предложений по цели высказывания. Основным типом для них является *повествовательное* предложение (ἀξιωμα), которое отличается от других высказываний тем, что обязательно содержит истину или ложь [20, с. 100]. Другими типами предложений для стоиков являются *вопросительные* и *повелительные* (προστακτικόν) («А ты ступай на Инаха струи!»), а также предложения, выражающие *желание, мольбу* (εὐκτικόν) («Зевс-отец, обладающий с Иды, преславный, великий, / Дай ты Аяксу обречь и победу, и светлую славу» («Илиада» VII, 202–203)), *заклинания* (ἀρατικόν) («Мозг, как из чаши вино, да по чёрной земле разольётся!» («Илиада» III, 300)), *клятву* (ὄρκικόν), *предположение* (ὑποθετικόν), *обращение* (προσαγορευτικόν) («Царь знаменитый Атрид, повелитель мужей, Агамемнон!» («Илиада» II, 434)), *сомнение* («А жизнь и боль – ужель они не родственны?») и *мнимое высказывание* (προσαγορευτικόν καὶ πρᾶγμα ὁμοιονἀξιωματ), т.е. «изъявление, звучащее как суждение, но в силу избытка какого-либо слова или страсти не являющееся суждением, например: “Прекрасен Парфенон!” или “Как тот пастух похож на Приамидов!”» [Там же, с. 97, 100–101, 103].

Исследователи справедливо отмечают, что «данная классификация предложений, как легко убедиться, основана по преимуществу не на формально-грамматических, а на смысловых, семантических критериях» [14, с. 202]. Тем не менее стоит согласиться и с тем, что типология предложений по цели высказывания, выработанная стоиками, во многом предвосхитила соответствующие синтаксические построения в современном языкознании.

Заслуживает внимания типология вопросительных высказываний, предложенная стоиками. Из истории античного языкознания мы знаем, что *вопрос* как особую разновидность речи выделил ещё софист Протагор (ок. 480 – ок. 410 гг. до н.э.). По свидетельству Диогена Лаэртского, стоики, опираясь на предшествующую философскую традицию, подробно изучали вопросительные высказывания в рамках своего логического учения. Например, известно, что Хрисипп посвятил этой проблематике такие работы, как «Об общем вопросе», «О частном вопросе», «Краткое изложение об общем и частном вопросе» [10, с. 303].

По мнению стоиков, вопрос – это «предмет законченный, как и суждение, однако же требующий ответа: например, “Стоит ли день?” – а такое изъяснение не является ни истинным, ни ложным» [Там же, с. 267]. Представители Древней Стои различали общие (ἑρώτημα) и частные, или специальные (πύσιμα), вопросы. Первые они определяли как законченные высказывания, на которые нужно отвечать «знаком», т.е. «да» или «нет». Вторые (частные вопросы) – это «предмет, на который невозможно ответить знаком (как отвечают «да» на общий вопрос), а надо отвечать словами: «Он живёт там-то и там-то» [Там же, с. 267].

Следует заметить, что подобная классификация вопросительных предложений используется в языкознании до сих пор. Так, в «Словаре-справочнике по синтаксису современного русского языка» А.М. Ломова содержится информация об общевопросительных и частновопросительных предложениях [13, с. 42–44].

Стоики, вслед за Аристотелем, различали *утверждение* (κατηγορικόν, *dedicativae*) («Стоит день», «Дион гуляет»), состоящее «из прямого падежа и предиката», и *отрицание* (ἀποφατικόν, *abdicativae*) («Не стоит день») [20, с. 104, 114]. Последнее они подразделяли на *собственно отрицание* (ἀποφατικόν); *отрицание отрицания* (ὑπεραποφατικόν – «сверхотрицание») («Не: не стоит день», т.е. «Стоит день»); *неопределённо-отрицательные* высказывания (ἀρνητικόν), состоящие «из отрицательной частицы и предиката» («Никто не гуляет»); *ограничительные* предложения (στηρετικόν), которые состоят «из привативной частицы и возможного высказывания» («Не добрый он») [Там же, с. 114]. Среди утвердительных высказываний стоики выделяли *указательные* (καταγορευτικόν), состоящие «из указательного местоимения в пря-

мом падеже и предиката» («Этот гуляет»), и *неопределённые* (ἀόριστον) высказывания, состоящие «из неопределённой частицы (или частиц) и предиката» («Кто-то гуляет», «Некто движется») [Там же].

И.А. Перельмутер полагает, что типы отрицательных высказываний, выделяемые стоиками, приблизительно соответствуют «общеприцательным и частноотрицательным предложениям по современной грамматической терминологии» [14, с. 202].

В заключение хотелось бы подробно остановиться на типологии сложных предложений в логике стоиков. Дело в том, что представители Древней Стои чётко для себя различали простые (ἀπλοῦν) и сложные (συμ ἀπλοῦν) предложения. Первые, по их мнению, – это «те, которые состоят из неповторяющегося (μῆδιαφοροῦμενον) [т.е. из одного] высказывания, например: “Стоит день”» [20, с. 113], а вторые – «те, которые состоят либо из повторяющегося высказывания» («Если стоит день, то стоит день»), «либо из различных высказываний» («Если стоит день, то светло») [Там же, с. 113–114]. Очевидно, что стоики видели прежде всего структурную разницу между простым и сложным предложениями: из одного или нескольких высказываний состоит фраза.

Простые предложения, если верить свидетельству Секста Эмпирика, стоики разделяли на *определённые* (ορισμένον), которые подразумевают указание («Этот гуляет», «Этот сидит»); *неопределённые* (ἀόριστον), которые содержат неопределённые частицы («Некто сидит»), и *средние* (μέσον) («Человек сидит», «Сократ гуляет») [Там же, с. 115].

И.М. Тронский считает, что «стоики положили начало изучению видов сложного предложения, которое они исследовали в интересах своей теории умозаключения» [24, с. 307]. Диоген Лаэртский сообщает о том, что представители Древней Стои выделяли следующие виды сложных предложений:

1) сложные предложения, выражающие *условные* (импликативные) отношения (συνημιμένον) и образующиеся «при помощи связки “если”» («Если стоит день, то есть свет») [20, с. 117];

2) сложные предложения, выражающие *утвердительно-условные* отношения и состоящие «из двух суждений, связанных союзом “поскольку”, например: “Поскольку стоит день, то светло”; этот союз означает, что второе суждение следует из первого, а первое достоверно» [10, с. 268];

3) сложные предложения, выражающие *соединительные* (конъюнктивные) отношения (*συντελεγμένον*) и образующиеся «при помощи какой-нибудь соединительной связки» («И день стоит, и свет есть») [20, с. 117];

4) сложные предложения, выражающие *разделительные* (дизъюнктивные) отношения (*διεξυγμένον*) и образующиеся «при помощи разделительной связки “или”, например: “Или стоит день, или стоит ночь”, – эта связка указывает, что одно из двух высказываний ложно» [Там же];

5) сложные предложения, выражающие *причинные* отношения (*αἰτιώδες*) и образующиеся «при помощи связки “так как”, например: “Так как стоит день, то есть свет”, – здесь первое высказывание является как бы причиной второго» [Там же];

6) сложные предложения, выражающие отношения *сравнения* (*διασφοῖν*) и образующиеся «при помощи связки, проясняющей большее, и союза “чем”, помещаемого между высказываниями, например: “День есть больше, чем есть ночь”». Соответственно, сравнительное высказывание «к меньшему образуются противоположным образом, например: “Ночь есть меньше, чем есть день”» [Там же].

Приведённый перечень сложных предложений позволяет заключить, что стоики выделяли их, основываясь на логических (смысловых) отношениях между частями этих предложений. Кроме того, они учитывали также средства связи (союзы), однако сохранившиеся источники не содержат информации о том, что представители Древней Стои разделяли сложные предложения на сложносочинённые, сложноподчинённые и бессоюзные.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В истории античного языкознания логико-грамматическое учение стоиков занимает особое место. К сожалению, от их научного наследия остались лишь скудные фрагменты или переложения поздних авторов, ориентируясь на которые трудно получить целостное представление о логической системе стоиков. Вот почему при изучении их работ многие исследователи прибегают к «гипотетической реконструкции».

2. Особое место в логической системе стоиков занимало высказывание, в строении которого они пытались найти отражение структуры самой реальности. Представители Древней Стои, считая предложение особой формой выражения мышления, предложили смысло-

вое определение данной грамматической единицы, соотнося её с логическим суждением. В этом они оказались предшественниками многих выдающихся отечественных языковедов XIX в. (Н.И. Греч, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев), которых традиционно относят к так называемому логико-грамматическому направлению в языкознании.

3. Стоики выделяли законченные и незаконченные высказывания. Первые («Сократ пишет»), по их мнению, построены по модели логического суждения (S + P), тогда как вторые включают в себя лишь его предикат («Пишет»). Другими словами, глагол-сказуемое оказывается для стоиков вершиной (доминантой) предложения, поскольку он может употребляться без субъекта (подлежащего или дополнения). Подобный подход не стал экспонатом исторического музея языковедческой науки, поскольку его можно встретить и в современном языкознании.

4. Поместив предикат в центр своей логико-грамматической системы, стоики предложили собственную классификацию предложений, в которой они учитывали тип предиката и его валентные возможности («структурная обязательность» или «структурная факультативность» дополнения при предикате), а также грамматическую форму (прямой или косвенный падеж) субъекта. Эти признаки учитываются и в наше время при синтаксическом анализе предложения и его членов.

5. Сохранившиеся фрагменты свидетельствуют о том, что стоики пытались классифицировать предложения по цели высказывания, выделяя повествовательные, повелительные и вопросительные его типы и некоторые другие разновидности. Кроме того, представители этой философской школы говорили о простых и сложных предложениях в зависимости от их структуры. Последние они тоже подразделяли на несколько типов, учитывая смысловые отношения между частями сложного предложения и средства связи (союзы).

Список литературы

1. Арним Г. История античной философии. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
2. Бокадорова Н.Ю. Стоики // БЭС. Языкознание. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 495–496.
3. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.
4. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958.

5. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 36–42.
6. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращённой грамматики полнее изложенная. 12-е изд. Спб.: Изд. книгопродавца Д.Ф. Фёдорова, 1874.
7. Грамматика русского языка. Т. II: Синтаксис. Ч. I. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
8. Греч Н.И. Краткая русская грамматика. 12-е изд. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
9. Греч Н.И. Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем. Спб., 1827.
10. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 2-е изд., испр. М.: Мысль, 1986.
11. Иванчикова Е.А. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе // Вопросы языкознания. 1965. № 5. С. 84–94.
12. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004.
13. Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
14. Перельмутер И.А. Философские школы эпохи эллинизма // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980. С. 180–214.
15. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956.
16. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2.
17. Политова И.Н. Переходные явления в области сильного и слабого управления // Вестник Забайкальского государственного университета. 2008. № 6. С. 104–109.
18. Пospelov Н.С. О некоторых синтаксических категориях // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М.: Наука, 1969. С. 299–301.
19. Потеня А.А. Из записок по русской грамматике (I. Введение). Воронеж, 1874.
20. Столяров А.А. Фрагменты ранних стоиков. Т. II: Хрисипп из Сол. Ч. 1: Логические и физические фрагменты. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1999.
21. Столяров А.А. Фрагменты ранних стоиков. Т. III: Ученики и преемники Хрисиппа. Ч. 2: Логические и физические фрагменты. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2010.
22. Сухотин В.П. Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. акад. В.В. Виноградова. М.: Учпедгиз, 1950. С. 127–182.
23. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
24. Тронский И.М. Основы стоической грамматики // Романо-германская филология: сб. ст. в честь акад. В.Ф. Шишмарёва. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. С. 299–310.
25. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1956. Т. 1.
26. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979.

* * *

1. Arnim G. Istorija antichnoj filosofii. 2-e izd. M.: Izd-vo LKI, 2007.

2. Bokadorova N.Ju. Stoiki // BJeS. Jazykoznanie. M.: Bol'shaja Ros. jencikl., 1998. S. 495–496.

3. Buslaev F.I. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka. M.: Uchpedgiz, 1959.

4. Vinogradov V.V. Iz istorii izuchenija russkogo sintaksisa (ot Lomonosova do Potebni i Fortunatova). M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1958.

5. Vlavackaja M.V. Uchenie o sintagmaticeskikh svyazjah slov v istoricheskom rassmotrenii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2009. № 1. S. 36–42.

6. Vostokov A.H. Russkaja grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniju ego zhe sokrashhjonnoj grammatiki polnee izlozhennaja. 12-e izd. Sпb.: Izd. knigoprodavca D.F. Fjodorova, 1874.

7. Grammatika russkogo jazyka. T. II: Sintaksis. Ch. I. 2-e izd. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960.

8. Grech N.I. Kratkaja russkaja grammatika. 12-e izd. M.: Kn. dom «LIBROKOM», 2011.

9. Grech N.I. Prakticheskaja russkaja grammatika, izdannaja Nikolaem Grechem. Sпb., 1827.

10. Diogen Lajertskij. O zhizni, uchenijah i izrechenijah znamenityh filosofov / 2-e izd., ispr. M.: Mysl', 1986.

11. Ivanchikova E.A. O strukturnoj fakul'tativnosti i strukturnoj objazatel'nosti v sintaksise // Voprosy jazykoznanija. 1965. № 5. S. 84–94.

12. Lekant P.A. Sintaksis prostogo predlozhenija v sovremennom russkom jazyke: ucheb. posobie. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Vyssh. shk., 2004.

13. Lomov A.M. Slovar'-spravochnik po sintaksisu sovremennogo russkogo jazyka. M.: AST: Vostok – Zapad, 2007.

14. Perel'muter I.A. Filosofskie shkoly jepohi jellinizma // Istorija lingvisticheskikh uchenij. Drevnij mir. L.: Nauka, 1980. S. 180–214.

15. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii. 7-e izd. M.: Uchpedgiz, 1956.

16. Platon. Sобрание sochinenij: v 4 t. M.: Mysl', 1993. T. 2.

17. Politova I.N. Perekhodnye javlenija v oblasti sil'nogo i slabogo upravlenija // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 6. S. 104–109.

18. Pospelov N.S. O nekotoryh sintaksicheskikh kategorijah // Edinicy raznyh urovnej grammaticheskogo

stroja jazyka i ih vzaimodejstvie. M.: Nauka, 1969. S. 299–301.

19. Potebnja A.A. Iz zapisok po ruskoj grammatike (I. Vvedenie). Voronezh, 1874.

20. Stoljarov A.A. Fragmenty rannih stoikov. T. II: Hrisipp iz Sol. Ch. 1: Logicheskie i fizicheskie fragmenty. M.: «Greko-latinskij kabinet» Ju.A. Shichalina, 1999.

21. Stoljarov A.A. Fragmenty rannih stoikov. T. III: Ucheniki i preemniki Hrisippa. Ch. 2: Logicheskie i fizicheskie fragmenty. M.: «Greko-latinskij kabinet» Ju.A. Shichalina, 2010.

22. Suhotin V.P. Problema slovosochetaniya v sovremennom ruskom jazyke // Voprosy sintaksisa sovremenogo russkogo jazyka / pod red. akad. V.V. Vinogradova. M.: Uchpedgiz, 1950. S. 127–182.

23. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa. M.: Progress, 1988.

24. Tronskij I.M. Osnovy stoicheskoj grammatiki // Romano-germanskaja filologija: sb. st. v chest' akad. V.F. Shishmarjova. L.: Izd-vo LGU, 1957. S. 299–310.

25. Fortunatov F.F. Izbrannye trudy. M.: Uchpedgiz, 1956. T. 1.

26. Holodovich A.A. Problemy grammaticheskoj teorii. L.: Nauka, 1979.

Logical ideas of the Stoics and syntactic science

There is attempted to represent the logical and grammatical study of the Stoics which unfortunately can be considered only theoretically because nowadays we have only some fragments from the logical works of the representatives of the Ancient Stoics or interpretations of later authors. There is made the conclusion that many logical ideas of this philosophic school are conformable to the modern syntactic science. There can be marked out such ideas as sentence dominant, complete and incomplete sentence, types of sentences according to its structure, purpose etc.

Key words: *the Stoics, logic, syntax, sentence, logical statement, complete expressions, incomplete expressions, sentence dominant, predicate, interrogative sentences, negation, simple sentence, compound sentence.*

(Статья поступила в редакцию 18.08.2015)

О.А. ДМИТРИЕВА, Я.А. ВОЛКОВА
(Волгоград)

МОББИНГ КАК ТАКТИКА ДЕСТРУКТИВНОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Рассматривается моббинг как одна из тактик деструктивного общения в институциональном типе дискурса. Выявляются базовые концептуальные признаки моббинга, его статусные характеристики, перцептивно-образные представления и ценностные доминанты. На материале реальной коммуникации анализируются типичные вербальные и невербальные приемы моббинга. Особый акцент делается на его языковой репрезентации в русском языковом сознании.

Ключевые слова: *деструктивное общение, моббинг, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, коммуникативный прием.*

Антропологический ракурс языкознания фокусирует внимание на проблеме языковой личности с разных позиций, в том числе и с позиции социолингвистики. В настоящей статье рассматривается феномен «моббинг» как комплексная коммуникативная тактика в рамках генеральной стратегии деструктивного общения в институциональном типе дискурса. Задачами статьи, таким образом, выступают определение психокоммуникативных характеристик моббинга и выявление его типичных вербальных и невербальных приемов.

Материалом для лингвистического анализа послужили ответы респондентов, полученные при анонимном опросе, форумы Интернета, статьи популярных глянцевого журналов. Всего было проанализировано 300 текстовых фрагментов.

В моббинге мы наблюдаем реализацию ролевой модели доминанты стада (эталонная совокупность поведенческих реакций, обладающая стереотипными характеристиками и выступающая как образец для подражания) надкультурной направленности. В идеологии моббинга проявляются примитивнейшие межличностные отношения, калькированные из животного мира, что, собственно, и заложено в дефинициях моббинга:

- mob v – to crowd around (someone) in an aggressive, excited, or annoying way [11];